

Содержание

Школьные окна. <i>Повесть</i>	5
Брачок. <i>Рассказ</i>	419

ШКОЛЬНЫЕ ОКНА

Повесть

*Окна школьные погасли,
Только светится одно.
Дети блудные, не нас ли
Дождается оно?*

Предисловие автора

Жизнь — цепочка причинно-следственных невероятностей. Если ты вышел из дому за вином, это вовсе не значит, что вскоре вернешься с бутылочкой. Ты можешь вообще не вернуться, или твое изнемогающее тело принесут добрые люди — не дай бог, тебя собьет невесть откуда выскочивший потомок азиатских кочевников. Он пересел с лошадки Пржевальского на самокат или мопед, чтобы моментально доставлять горячую пиццу к дверям ленивых москвичей, а заодно регулировать численность пенсионеров, отягощающих государственный бюджет.

В тот день басмач с оранжевым коробом за плечами просвистел в смертельной близости от меня, обдавая запахом свежайшей «Маргариты», и я, оторопев, долго стоял, думая о том, как обидно и унижительно закончить творческий путь под колесами развозчика жратвы. Мне ярко представлялись отклики в Сети моих литературных недругов, какой-нибудь Юзы Галифович, мол, настоящих русских писателей убивали на дуэлях, уничтожали в ГУЛАГе, в крайнем случае они гибли от водки или накладывали на себя руки, а этот обмылок соцреализма, разучившийся оглядываться по сторонам, угодил под велосипед с мотором. Ха-ха-ха!

Вот уж, знал бы, где упасть, соломки подстелил...

И тут я вспомнил давний случай из моей начальной жизненной поры, по необратимым последствиям можно было бы сравнить с наездом самосвала, а не с наскоком какого-то там мопеда. Остается добавить, что в магазин, на станцию «Мичуринец», я пошел за выпивкой, так как ко мне в гости ехал Виктор Головачев, последний из могикан моего детства, такого далекого, что иногда кажется, оно затерялось где-то между каменным и бронзовым веками.

«Надо будет рассказать Вите эту историю, — подумал я. — Вот удивится-то!»

Но сначала следует в деталях восстановить все то, что случилось со мной тогда, в четверг, 31 октября 1968 года.

Что ж, мои верные читатели, давайте вспоминать вместе!

1. Противокозелок

В тот гиблый день я возвращался из Дома пионеров почти налегке. В дерматиновой сумке с надписью «Спорт» лежали: набор карандашей разной мягкости, коробка медовых красок «Ленинград» (24 цвета!), двухцветный ластик, альбом с набросками и завернутые в тряпочку три беличьи косточки — большая, напоминающая помазок для бритвы, средняя и совсем маленькая с кончиком тонким, как шильце. Еще там была книжка про художника Делакруа из серии «Жизнь замечательных людей». Когда я брал ее в юношеском абонементе, очкастая библиотекарьша Инна Борисовна предупредила: мол, ничего не поймешь, рановато для семиклассника. Но я все-таки взял и читал через силу, продираясь сквозь трудные слова, зато, придя в студию и раскладывая принадлежности, первым делом доставал как бы невзначай эту взрослую книжку, чтобы все видели, с кем имеют дело. А вот папку с листами ватмана — она размером с развернутую «Правду» — в тот день я оставил дома: мы рисовали гипсовое ухо, а это тягомотина на две недели, и наш руководитель Олег Иванович Озин разрешил нам оставлять листы, прикрепленные кнопками к мольбертам.

— Не украдут... — пошутил он. — Хотя знаете, недавно карандашный набросок Делакруа, — мастер с насмешкой кивнул на меня, — продали за двадцать пять

тысяч фунтов стерлингов! На эти деньги можно купить дом и машину.

— Не хило! — шепнул мне Витька Фертман, наш местный абстракционист.

Кроме нас, школьников, в помещении занимались еще бородатые парни в джинсах, а также девицы в замшевых юбках и жилетках с бахромой. Озин по вечерам, когда мы уходили домой, готовил их к поступлению в полиграфический институт и называл странным словом «абитуриэнт», нарочно произнося вместо «е» «э». Иногда они приходили в студию до того, как заканчивалось наше время, сидели в уголке, разговаривая о каких-то не очень понятных мне вещах:

— Поллак? Не смеши! Вперед к Сезанну!

— Ты достал Перрюшо?

— Нет, но мне обещали принести — на одну ночь.

— А как вам Адель Пологова?

— Ничего нового: пермская деревянная скульптура...

— Илюшка Глазунов делал это раньше нее.

— Не произносите при мне эту фамилию!

Сам Олег Иванович тоже часто зависал в студии и писал маслом какую-нибудь композицию, ему больше негде работать, так как враги передового искусства из вредной организации с паучьим названием «МОСХ» не давали Озину мастерскую даже в подвале на выселках!

— Ну как тебе? — мог он спросить кого-то из учеников.

Понятно, ответом ему было восторженное мычание, хотя лично я не понимаю, зачем человек, великолепно умеющий рисовать, густо лепит на загрунтованном картоне разноцветные кубики и кружочки, отдаленно напоминающие ночную улицу. Когда мы в прошлом году ходили в Манеж на выставку, посвященную 50-летию Великого Октября, Озин небрежно указал на свою картину, висевшую в глухом закутке: на холсте была вполне достоверно

изображена мрачная военная Москва с заклеенными крест-накрест окнами и аэростатами в темном небе, иссеченном прожекторами.

— Суровый реализм, — шепнул мне девятиклассник Витька Фертман, лучше всех из студийцев разбиравшийся в искусстве. — У Попкова идеи тырит!

— Угу, — важно кивнул я, хотя про Попкова услышал впервые.

Так вот, однажды мне пришла в голову идея зайти вечером в изостудию после кружка струнных инструментов (я тогда пытался освоить балалайку-секунду). Дернул дверь — заперта, хотя изнутри доносились голоса. Я повернулся, чтобы уйти восвояси, но тут в замочной скважине лязгнул ключ и вышла девушка, на ней было длинное платье из мешковины и красное ожерелье, каждая бусина с грецкий орех. Судя по целеустремленно-независимой походке, она отправилась вниз — в туалет. Воспользовавшись случаем, я все-таки заглянул в комнату и увидел потрясное зрелище: на стуле, задрапированном лиловым покрывалом, сидела совершенно голая женщина, раздвинув ноги и закинув за голову руки. Вокруг нее полукругом стояли мольберты, а будущие полиграфисты увлеченно рисовали обнаженную натуру: один вытянул руку и ногтем на карандаше сверял пропорции, другой, сложив из пальцев рамку, внимательно разглядывал натурщицу, третий самозабвенно шуршал грифелем по ватману. Я успел мельком заметить вздернутые розовые соски, темный курчавый пах и волосатые подмышки. Но тут она засекала меня, ойкнула и задернулась драпировкой, что, конечно, странно: сидеть в чем мать родила перед оравой бородатых парней ей не совестно, а от взгляда любознательного подростка прямо-таки вся зарделась.

Озин вскинулся, нахмурился и приказал: «Иди-ка сюда, дружок!» Я покорно подошел, он отвел меня за выгородку,

где стояли его письменный стол и этажерка с альбомами. Там, внимательно глядя в глаза, Олег Иванович тихо объяснил:

— Юра, ты ничего не видел, понял?

— Понял.

— Тут, Юра, нет ничего незаконного. Просто в Доме пионеров нельзя ставить обнаженную натуру, а ребятам надо готовиться. Без этого никак нельзя. Теперь иди и никому ни слова!

— Да, конечно, — кивнул я и побрел к двери, стараясь не смотреть на прикрывшуюся девушку.

Само собой, я никому ничего не сказал, а Олег Иванович стал с тех пор ко мне относиться внимательнее, чаще задерживался у моего мольберта и давал советы. Вот и сегодня он остановился, обдав меня запахом пряного трубочного табака, посопел, покряхтел, вынул из нагрудного кармана автоматический карандаш с толстым выдвигающимся грифелем и поправил рисунок:

— Юра, противокозелок у тебя слишком велик, а завиток, наоборот, тонковат. Уточни пропорции! Повнимательнее, а так недурственно...

«Хорошо» и «отлично» он мне не говорит никогда, зато часто одаривает такими похвалами Севку Иванова, моего ровесника из 345-й школы. Не пойму почему, но у этого простоватого пацана, не отличающего Мане от Моне, на ватмане акварельные фрукты как настоящие, хотя скопированы с восковых муляжей, а нарисованная розетка — чистый гипс, не чугун, как у меня. Пока я корплю над подлым противокозелком, он уже заканчивает голову Гомера, а там от одних кудрей — с ума сойдешь. Конечно, я не самый отсталый, есть у нас пацаны и девчонки похуже меня, например Витька Фертман, он говорит, что будет абстракционистом или поп-артовцем, поэтому правильно рисовать ему совсем не обязательно.

Собственно, книжку про Делакура и коробку «Ленинграда» я притащил сегодня на занятия, чтобы похвастаться перед Севкой. Тетя Валя по случаю купила мне в художественном салоне на Кузнецком Мосту эти замечательные краски к дню рождения, но проболталась до срока и, поддавшись моим уговорам, отдала подарок заранее. О, это чудо! Двадцать четыре цвета! Брикеты завернуты в фантики, как конфеты-суфле, на каждом ласкающие слух названия: ультрамарин, сепия, кобальт синий, краплак, кадмий лимонный... Севка Иванов даже названий таких не знает, зато от его акварельного лимона, желтеющего на листе, во рту кисло становится. Но сегодня на занятиях он, как нарочно, не появился, заболел, наверное. В Москве лютует гонконгский грипп. Башашкин шутит: «Это единственный импорт, который можно заполучить бесплатно!» Нынче вообще пришли два с половиной калеки, да и те отпросились: по телику показывают новую серию фильма «Ставка больше, чем жизнь». Я это польское кино тоже сначала смотрел, но потом надоело: уж очень все просто и легко у этого лейтенанта Клосса получается, а немцы все какие-то суетливые, бестолковые, трусоватые. Другое дело — наш «Щит и меч»!

Из студии я ушел последним, так и не справившись с противокозелком. Видимо, усидчивость в искусстве не главное. Интересно, можно ли развить в себе талант так же, как, к примеру, накачать пресс? Не знаю, не знаю... Надо бы спросить у Ирины Анатольевны...

Снаружи было темно и холодно. Сырой ветер обрывал последние листья с деревьев на сквере, разделяющем Спартаковскую площадь пополам. Желтый оплывающий свет фонарей наводил тоску, как рыбий жир ранним утром в детском саду. Нас, несчастных, полупроснувшихся детей, встречала на пороге медсестра с бутылью, наливала в большую ложку густую дрянь и впихивала в рот. Попробуй не

проглоти — сразу родителям нажалуются. Если кто-то наотрез отказывался, она вызывала строгую заведующую Людмилу Ивановну.

Людей на улице было мало. Одинокое такси с шашечками на боку выехало из Гаврикова переулка, где еще виднелись силуэты граждан в кепках-аэродромах, хотя магазин «Автомобили» уже закрылся, он работал, как и книжный, до семи. Из кинотеатра «Новатор» выходили зрители. Закончился сеанс. Одни двинулись налево, к Бакунинской, другие направо, к высокому пешеходному мосту, перекинутому через железную дорогу. Когда я был маленьким, мы часто ходили в гости к тете Любе, Лидиной подруге, жившей у метро «Красносельская». Она после долгого одиночества вышла замуж за носатого старичка лет сорока, маман ее жалела и часто навещала, но та цвела, улыбалась, шептала однокашнице на ухо какие-то женские секреты, Лида округляла глаза, вспыхивала и восклицала: «Врешь, не может быть, в его-то возрасте!» — «Да, да, сама поверить не могу!» Одолеть бесконечную лестницу с высокими ступенями ребенку непросто, но я старался изо всех сил, лез, не переводя дух, потому что сверху открывался вид на островерхое высотное здание, которое я некоторое время почему-то считал Кремлем, и меня не разубеждали, даже нарочно вводили с заблуждение:

— Вот сейчас отдохнем, посмотрим на Кремль и дальше пойдем.

Но однажды я сам прозрел:

— А где же звезда?

— Какая? — не поняла Лида.

— Рубиновая.

— Так это же не Кремль, сыночек, а высотка...

— Не может быть... — И слезы потекли из моих глаз. —

Вы меня обманывали!